

**ВЛАСТЬ И НАРОД: УТОПИЯ И ИСТОРИЯ,
ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О СМЫСЛЕ
«РУССКОГО БУНТА»**

Как правило, очередные серьезные модернизационные шаги в России связаны с ситуацией системного кризиса страны, смутой, революцией, войной. Но верно и обратное: сами непродуманные попытки системных преобразований со стороны власти, не обеспечившей понимание и поддержку собственного народа, провоцируют и продуцируют очередную российскую смуту.

Неудачные попытки каких-либо коренных реформ в российском обществе выступавшая реформатором власть часто оправдывает недостаточностью «спокойного» времени: «Вот дали бы еще двадцать (десять, тридцать...) лет, и вот тогда бы...». Но разве действия власти не должны быть *своевременными*, адекватными конкретному историческому времени, ответственными за *здесь и сейчас*?

Еще чаще, чем на нехватку подходящего времени, реформаторы-неудачники сетуют на неподходящий, «неправильный» народ, практически мешающий успеху теоретически «правильной» деятельности власти: «Вот дали бы не этот, а другой (более соответствующий представлениям и планам этой власти) народ, и вот тогда бы...». Но разве не является главным условием власти ответственность за *свой народ*? *А свой народ, как и родителей, — не выбирают. Чего нельзя сказать о власти.* Политическая власть, воспринимаемая народом как «не своя», не имеет исторического будущего. Во всяком случае, с этим народом.

В огромном и сложноорганизованном имперском организме России массовый народный негативизм против такой — чуждой («самозванной») власти — напоминает стихийную иммунную реакцию социального целого. И именно этот, болезненный и многофакторный, процесс

отторжения чужеродных элементов («временщиков» и «самозванцев») — до восстановления собственных культурных смыслов и исторических взаимосвязей (возвращения легитимной — «родной» — власти, воссоединения «прерванной связи времен») — традиционно именуется в России «Смутой».

Левые и правые, русисты и россиеведы, русофобы и русофилы, — все, кто пристально и пристрастно интересуется российской историей, — неслучайно сходятся в одном: именно осмысление взаимоотношений в паре «*Власть — Народ*» является ключевым для понимания прошлого, настоящего и будущего России и преодоления периодически сотрясающих ее основы смут.

И если сами смуты — по природе своей процессы преимущественно *массовые*, то осознание уроков смутных времен — задача *элит*. Элитарные споры об этих уроках неизбежно обостряются в ситуациях кризиса, когда российскому обществу в очередной раз необходимо определиться с историческим выбором. Но если ценность вопроса: «Каким должен быть народ России?» — весьма сомнительна, то дискуссии на тему: «Какой должна быть власть в России?» — неизменно актуальны и злободневны на всякий день.

Однако еще более важным представляется ответ на вопрос: «*Какой она — Власть России — НЕ должна быть?*». Возможно, в нем и заключается главный урок смут как неоднократно адресованное отечественным элитам назидание (карательный «месседж») российской истории. Ведь, по меткой формулировке еще В. О. Ключевского, история не учительница, а надзирательница: она не учит, а наказывает за незнание уроков.

Кажущаяся неразрешимой загадка амбивалентного поведения народа в российской смуте, часто изображаемой в виде inferнальной череды бунтов (некого системного «супербунта»), может быть объяснена не эпилептоидностью и психопатологичностью «*Homo rossicus* 'a», а исторической функциональностью бунта в имперской системе

взаимодействия власти и общества. Народ — величина потенциально огромная — по модулю, а ее знаковый вектор — зависит от власти.

Бунт — не просто выплескивание негативной энергии, спровоцированное неадекватными действиями власти, но механизм самозащиты, отторжения власти «чужой» и возвращения власти «своей». Логика русского (действительно *беспощадного*, но отнюдь не *бессмысленного*) бунта реализуется в народном движении *от власти к Власти* — от ее *дисфункции* к ее *эффункции* (в терминах социологического функционализма) или *от империи к Империи* (в терминах макро- и метаистории).

Власть в Империи призвана служить в первую очередь не инструментом согласовывания частных интересов, а выразителем коллективной воли и миссии народа (народов), демиургом ее целеполагания в истории человечества. Она дает и обществу, и индивиду социальный смысл жизни как Служения, позволяет преодолеть экзистенциальный трагизм «заброшенности» одинокого человека в космос мировой истории, подняться над бессмыслицей бесконечной индивидуальной борьбы «конечного», смертного человека, ощутить причастность надындивидуальной целостности, найти надежную опору, находящуюся вне времени — тем более, вне всяких *смутных времен*.

В этом смысле *Империя* есть, конечно, утопия. Но это работающая, и как показывает история, эффективно работающая утопия¹. Однако в самом существе империи уже заложен изначальный антагонизм между утопическим стремлением к воплощению идеальных ценностей и невозможностью их совершенной реализации на практике, в ценностях конкретно-исторических. В этом взрывоопасном взаимопроникновении *утопии* и *истории* кроются и причины устойчивости империй, и причины циклически повторяющихся имперских кризисов — смут. В таком контексте, историческая функциональность смуты как раз и заключается в восстановлении баланса между Утопией и Историей в жизни Империи и сознании ее жителей.

Таким образом, *Смутные времена* в имперской истории являются периодами своеобразной «переоценки ценностей», связанной с обновлением базового комплекса идеологием (восстановлением соразмерности соотношения между сакральными сверхзадачами и реальными земными ценностями, между метафизическим смыслом Империи и его официальным выражением) и воссоединением живой психологической связи между Народом и Властью (возрождением самосознания имперского общества как целостного субъекта истории, возвращением утраченной цельности переживания жизни как *служения*).

Другими словами, *Смута* начинается с идеологического банкротства государства и психологического отчуждения народных масс от властной элиты, утратившей в их сознании имперско-историческую легитимность, и заканчивается с приходом к власти политической силы, идеологически и психологически адекватной массам, изоморфной Имперской традиции.

«Имперскость» («Державность») России предполагает наличие особой формы *единения власти и народа*. Народ выступает не только строителем Державы, но и является ее цивилизационным фундаментом, хранителем базового минимума державных ценностей. Власть не только реагирует на новые вызовы времени, но и обеспечивает историческую преемственность Державы, согласовывая относительность инновационных действий с безусловностью непрерывности нормативно-ценностного единства со своим народом.

В рамках такой модели, народные массы обеспечивают историческую статику функционирования Державы, а властные элиты — динамику.

Державный формат России объективно предполагает наличие (и периодическое воспроизводство) целого комплекса специфических качеств российской власти, которые служат для народа своеобразными индикаторами ее внеюрисдикционной легитимности, социокультурной преемственности, идентификации в массовом сознании как «своей» — и демаркации «чужой»:

- *метафункциональность* Служения —
субфункциональность обслуживания,
- *мессианизм — секулярность,*
- *идеократичность — безыдейность,*
- *авторитарность — компромиссность,*
- *централизованность — раздробленность,*
- *унитарность — полицентризм,*
- *единовластие — многовластие,*
- *персонифицированность — обезличенность,*
- *иерархичность — разветвленность,*
- *патернализм — партикуляризм,*
- *почвенность — искусственность,*
- *ориентация на Державность* —
компрадорство,
- *изоморфность — аморфность,*
- *«твердость» — «слабость»*
- *... и т. п.*

Мониторинг и системный анализ этих индикаторов (как статусных «маркеров» российской власти) позволяет в любое время протестировать («прозвонить») состояние системы взаимодействия власти и общества России на предмет идеологической и психологической готовности Державы к очередным модернизационным мероприятиям и оценить вероятность исторического срыва государства и общества в очередную смуту.

В последнее время уже вполне оформилась историографическая традиция особо выделять три большие (и даже «Великие») смуты отечественной истории. Само собой напрашиваются параллели.

В ходе **первой** смуты — «классической», парадигмальной для России Нового времени («Смуты 17-го века») — сначала были сотрясены основания средневекового Московского царства, но затем оказались массово — «всесословно» и «всенародно» — отторгнуты и антидержавные прозападнические действия элит, вместе с самими элитами, вступившими на путь открытого сотрудничества с интервентами.

В итоге Россия была подтолкнута к имперскому пути.

В ходе **второй** смуты — «модернистской», детерминировавшей основные параметры для России Новейшего времени («Смуты 17-го года») — сначала посыпалась по «эффекту домино» вся романовская империя, но затем были ликвидированы (вместе с их носителями) и все наносные либерально-демократические декорации. Временное правительство (временщики, самоназванные «правителями») и вяло поддерживающие его «демократические» партии стали коллективным Лжедмитрием новой смуты — и в некотором смысле повторили его судьбу. Постфевральская «демократия», идеологически и психологически не адекватная массовому сознанию² (являющемуся подлинной доминантой смут и революций в России и детерминантой побед и поражений конкурирующих политических альтернатив)³, была химерой и фикцией — и закономерно оказалась сметена протестной стихией масс, инструментализированной большевиками⁴.

В конечном итоге возникла новая — еще более могущественная империя — Советский Союз.

В ходе **третьей** смуты — «постмодернистской», определяющей основные контуры нынешней и, возможно, грядущей России («Великой смуты», начавшейся на исходе прошлого века) — дошла очередь и до не справившейся с вызовами современности советской империи, на руинах которой по сию пору ищет и никак не обрящет себя «Новая Россия».

Об итогах этого процесса говорить преждевременно. Однако, как говаривал маркиз Галифакс, «лучший способ догадаться, что будет — припомнить, что уже было».

Пределы модернизации общества определяются массовым сознанием, успешность власти в проведении масштабных социальных преобразований определяется ее способностью мобилизовать массы. Вестернизированные либерально-демократические идеологемы в России являются внешними по отношению к социокультурным кодам

массового сознания — более того, при сопоставлении образуют целую систему бинарных оппозиций — по принципу «чужой-свой»⁵.

Но для очередного модернизационного прорыва требуются идеологемы и действия власти, направленные на их актуализацию и практическое использование⁶, способные найти живой отклик в массах — по принципу «свой-свой»⁷.

И генезис, и ход, и итоги Смуты 17-го года, как и Смуты 17-го века, подтвердили неслучайность воспроизводства *имперской* модели единения власти и народа. Эта имперскость заключается не столько в масштабности освоенных пространств и ресурсов, гетерогенности структур и экспансивности исторических проявлений, сколько в наличии всемирно значимой Идеи, консолидирующей власть и массы в одухотворенное социальное целое, в единого субъекта мировой истории, имеющего цель и смысл, выполняющего определенную историческую миссию.

Смуты — это болезни империй, и, теоретически, всякая болезнь может закончиться выздоровлением, а может и смертью. Но Империи не умирают, пока в народном сознании живы соответствующие Императивы. И когда это так — стремительный распад Империи также стремительно перерастает в ее воссоздание, а на место кратковременно находившихся у власти импероразрушителей надолго приходят имперостроители. Логика массового сознания в разворачивании русской смуты спиралевидна: бегство народа от «чужой» власти неминуемо переходит во всенародное бегство к власти «своей», самозванных перед народом лжемонархов сменяют званые народом династии, за Февралем следует Октябрь.

Таковы тезисно некоторые (увы, по соображениям объема урезанные и вырванные из контекста) штрихи исторической ретроспективы российской смуты. Какова же перспектива?

Очевидное отторжение власти и народа в период агонии советской империи и дискретного провала

идентичности исторически конкретного общества на постсоветском пространстве рубежа тысячелетий сменяется попытками власти нащупать «почву» и реанимировать органические связи в системе «Власть — народ».

Остановимся на свежем примере. Волна обсуждения статьи Д. А. Медведева «Россия, вперед!»⁸ прокатилась по различным общественно-политическим институтам, ведомствам и научно-образовательным центрам страны, ощутимо напомнив времена «всенародной» решимости «претворять решения в жизнь». Однако и этот президентский проект, несмотря на отдельные апелляции к великому прошлому российского народа и его власти, нельзя всерьез считать идеологической основой мобилизации масс на очередной модернизационный скачок. И при императорах, и при генсеках нашему народу удавались великие дела, когда он был убежден, что выполняет великую миссию, что за нашей властью не только сила, но и Правда (в которой, как известно, Бог). Идеократической имперской тройкой, в которую долго запрягали для быстрой езды неповоротливую Российскую Державу Романовы, были: *«Православие, Самодержавие, Народность»*. Советскую империю коммунисты перезапрягли в аналогичную тройку: *«Социализм, Диктатура, Партийность»* (или *«Коммунизм, Партия, Советскость»*).

Что предлагается Вождями Новой России сегодня? *«Инновации, Демократия, Процветание»*? Но ни «процветание», ни «качество жизни» сами по себе не могут служить *смыслом* жизни — ни человека, ни общества. Стиль обращений к народу Медведева — стиль западного прагматичного менеджера, но не исторической Русской Власти. Когда на первое место ставят прагматизм и технологии, а смысл и идею — на потом, то для России это называется: *«телега впереди лошади»*.

Надо признать — массы вообще не заинтересованы в инновациях и модернизациях — ни при Александре-Николае, ни при Ленине-Сталине, ни при Путине-

Медведеве. Для этого нужна вера! А во что? В нанотехнологии?.. Власти нужна Воля и Идея, при этом надо опираться на свою историю, а не на чужую. Массам нужны Смысл и Стимул, при этом надо ориентироваться на реалии массового сознания, а не на элитарный рационализм и индивидуализм.

Возьмем для примера только один, но очень важный и характерный момент — чуть ли не главным пороком народного сознания российская власть сегодня считает *патерналистские настроения*. Но патернализм есть органичное русскому народу чувство, дающее силу созидать, *не зря* жить и *не зря* умирать в истории. Стремление к единству в большой семье — это инстинкт народа. И акцентирование властью того, что каждый должен рассчитывать только на себя, вступает в конфликт с этим могучим инстинктом.

Такая попытка стерилизации народного сознания ведет к бесплодности. Не народа, а власти в первую очередь.

В этом смысле осуждение на высшем уровне патерналистских ожиданий народа (причем «патернализм» отождествляется Кремлем не с социальным чувством своего Отечества как своей родной семьи — Родины! — и «своей» власти, а с гражданским инфантилизмом, иждивенчеством, безынициативностью и безответственностью) наглядно свидетельствует, что конфликт Власти и Народа в современной России не разрешен. Пренебрежение естественным народным патернализмом выглядит не просто как элитарное отчуждение просвещенной власти от темного народа. Оно напоминает односторонний отказ государства от обязанности быть отцом своему народу (в его Отечестве!), от выполнения священного и освященного *отечественной историей родительского долга*.

Но, как водится в России, — если власть не родитель своему народу, то она рождает смуту.

Увы, пока власть не опирается на народ, понимая особенности его характера и умея их мобилизовать

в качестве объективного фактора отечественной истории, а напротив, призывает народ к утопической борьбе со своим историческим характером в попытке реализовать амбиции власти. И это значит: смута не закончена.

Но то, что власть демонстрирует (пусть хотя бы на словах) готовность к диалогу с обществом, то, что мы сейчас можем свободно обсуждать такую проблему, в том числе на этом круглом столе, — дает определенные основания для оптимизма.

Исторический опыт убедительно свидетельствует, что системные преобразования в нашем обществе не мыслимы в конфликте государственных и партийных идеологем с Державной идеей России и представлением о ее исторической Миссии в общественном сознании. *Попытки тех или иных властных и окол властных «элит» искусственно трансплантировать чуждые ему политико-правовые реалии, механически претворяя в жизнь идеи, органически с ним не совместимые, — не только теоретически ошибочны, но и практически опасны.*

От того, насколько властью и обществом постсоветской России будет осмыслена история крахов и возрождений Державы, во многом зависит не только возможность бытия России как империи, но и глобальное будущее современного мира. Необходимо осознать: Державная идея России — это не только узнаваемый тренд русского сознания, Державная идея — это демиург российской истории. И поиски Идеи в России — это не просто «старинная русская забава», как пошутил В. В. Путин⁹, — это попытки нащупать утраченную Державную «почву», лишь опираясь на которую Россия может осмысленно и эффективно продолжать свою историю в человечестве.

Представленная настоящими тезисами концептуальная модель функционирования системы взаимодействия власти и общества в России подтверждается огромным фактическим материалом и наглядно доказывает, что жизнеспособность политического режима, стабильность и исторические перспективы власти определяются

адекватностью своему народу и собственной исторической почве.

При подготовке и осуществлении отечественных реформ необходимо учитывать подобные исследования, которые способствуют пониманию природы и механизма массовых движений в России и своевременному блокированию деструктивных тенденций в поведении масс и элит. Не только ученым, но и политикам не следует забывать, что многие идеализируемые черты русского национального характера, действительно имеющие огромный положительный потенциал, отнюдь не исчерпывают весь спектр реальных проявлений отечественной ментальности. Они имеют и оборотные стороны, чреватые проявлением самых разрушительных потенциалов, если власть забывает, что в основе стабильности общества лежит прежде всего общественное сознание.

Можно долго дискутировать, считать ли *мифом* существование России как *Империи*, в смысле земного оплота Императива, и *Державы*, в смысле силы, сдерживающей Зло. Но История свидетельствует: когда наш народ увлечен Идеей, созвучной его внутреннему историческому зову, то он действительно оказывается способен на великие свершения. И наоборот: положительные черты народной ментальности выворачиваются своей разрушительной изнанкой, когда власть подрывает веру в себя как выразителя Державной идеи.

Только на основе последней наш народ сможет вновь реально воплотить в жизнь установку власти «*Россия, вперед!*».

Библиография

¹ Марченя П. П. Держава и право в русском сознании // Философия хозяйства. — 2006. — № 1. — С. 138—144.

² *Марченя П. П.* Массы и партии в 1917 году: массовое сознание как доминанта русской революции // Новый исторический вестник. — 2008. — № 2 (18). — С. 64—78.

³ *Марченя П. П.* Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». — 2009. — № 17. — С. 212—227.

⁴ *Марченя П. П.* Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // Россия и современный мир. — 2008. — № 4. — С. 82—99.

⁵ *Марченя П. П.* Массовое сознание и мировоззренческие императивы самобытного пути России (на примере исторического выбора 1917 года) // Философия хозяйства. — 2004. — № 3. — С. 180—187.

⁶ *Марченя П. П.* Партийные идеологемы в массовом сознании «демократической» России: власть и массы от Февраля к Октябрю 1917 г. // Вестник Поморского ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2009. — № 3. — С. 11—17. (Электронный ресурс: <http://scipeople.ru/publication/65646/>).

⁷ *Марченя П. П.* Психология масс и партий в русской революции: от Февраля к Октябрю 1917 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». — 2009. — № 3. — С. 23—34. (Электронный ресурс: <http://scipeople.ru/publication/67374/>).

⁸ *Медведев Д.* Россия, вперед! // Газета.Ru. — 2009. — 10 сентября. (Электронный ресурс: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).

⁹ *Путин В.* Послание Федеральному Собранию РФ Президента России Владимира Путина, 26 апреля 2007 г. // РГ. — 2007. — 27 апреля. — Федер. вып. — № 4353. (Электронный ресурс: <http://www.rg.ru/2007/04/27/poslanie.html>).